

Агапова Э.И.,
ст. преподаватель, Нижнекамский филиал ИЭУП (г. Казань),
научный сотрудник НИИ социальной философии ИЭУП (г. Казань).

ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФАКТОР ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Перед современным философско-гуманитарным сообществом стоит творческая задача по реконструкции и защите аутентичности духовной жизни – ибо это исходная предпосылка ее реализма, плодотворности и правдоподобия, по меньшей мере, в трех отношениях: 1) применительно к духовной традиции, избранной или унаследованной нами; 2) к современной культуре и ее выразительно-творческим средствам; 3) к личностному самоосуществлению наших человеческих возможностей¹. По П. Адо духовные практики Древней Греции и Рима включают в себя дисциплину удовольствия, действия, суждения, а главное признание метафизики мира, метафизики человеческого бытия². В это же время в СССР, среди неофициальной сферы философствования начинает оформляться интерес к духовной традиции, давшей начало для конституирования и развития российской цивилизации (культуры, государственности, менталитета и т.д.). Речь идет о широком среди советской интеллигенции 70 – 80 гг. движении по реконструкции движущих сил и факторов российской истории, по реабилитации места и роли религии, в первую очередь Русской Православной Церкви. Лидерами этого движения были Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, А.Ф. Лосев, а к более молодому поколению относились С.С. Хоружий, О.И. Генисаретский, В.В. Библихин, Г.М. Прохоров. Спецификой движения «семидесятников» было то, что они изначально не были связаны с советским официозом и не верили в «социализм с человеческим лицом». Иными словами, кардинальный отказ от методологии и идеологии марксизма открыл для них возможность открыть для себя, через «тамиздат» и «самиздат», наследие дореволюционной философско-гуманитарной мысли (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн, о. П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, И.А. Ильин), мыслителей русского зарубежья (В.Н. Лосский, о. Г. Флоровский, Г.П. Федотов, С.А. Левицкий, о. И. Мейндорф, В. Вейдле, Ф.А. Степун), а также целый спектр неклассических философских направлений XIX – XX вв. К концу 70-х гг. XX в., в то время как темой духовных практик во Франции стал заниматься Мишель Фуко, в СССР Сергеем Хоружим была написана работа к «К феноменологии аскезы», где с позиций феноменологического метода была реконструирована духовная практика Православия – исихазм. Широкому распространению этого, безусловно, концептуального исследования помешали обстоятельства как внешнего, так и внутреннего характера. Поэтому в 90 – е гг. в постсоветский период знакомство российских гуманитариев с проблематикой духовных практик происходило в большей степени через тексты П. Адо (переводы Ю. Шичалина) и М. Фуко, и только потом посредством работ С.С. Хоружего, О.И. Генисаретского и В.В. Библихина. Вместе с тем, по настоящему обращение к широкому спектру проблем современности среди российских философов произошло в начале XXI в., когда большинство сумело не только критически пересмотреть советскую версию марксизма, но и теоретико-методологический потенциал марксизма в целом, а также творчески освоить методологические стратегии философии XIX – XX вв. (герменевтику, феноменологию, аналитическую философию, экзистенциализм). Дополнительным моментом, сдерживающим внимание российских и зарубежных исследователей от темы духовных практик, стало господство в последней четверти XX в. идеологии постмодернизма, согласно принципам которой, всякий интерес к теме духовности *argot* воспринимался как возврат к

¹ Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения / О.И. Генисаретский. – М.: Путь. – 2002. – С. 52.

² См.: Адо П. Философия как способ жить: беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 286 с.

тоталитарному мышлению, восстановлению трансцендентального, реабилитации абсолютного и т.д.

Итак, в контексте философско-гуманитарных исследований последнего десятилетия (2000 – 2010 гг.) концепция духовных практик активно разрабатывается и рассматривается как альтернативная стратегия мышления, направленная на сохранение человека, на действительно творческий ответ на вызовы техногенной, все более отчуждаемой от природы человеческого рода реальности. В этом плане большой вклад в развитии концепта духовных практик современности есть в работах С. С. Хоружего, О.И. Генисаретского, К. Штекль, Г.Л. Тульчинского, В.А. Карпунина, М. Эпштейна, Е.Б. Рашковского, В.К. Кантора, А.Б. Зубова, С.С. Гусева, В.А. Кутырева, С.С. Аванесова, О.Д. Агапова, С.А. Смирнова, В.В. Петрунина, В.Н. Дробышева, о. Павла Сержантова. В поисках аутентичного опыта духовных практик О.И. Генисаретский обратился к анализу традиций и тенденций российской культуры, на наш взгляд, справедливо полагая, что она не могла сложиться без «свидетельного и исповедального служения поэтов, художников, мыслителей в силу их свободного личного выбора». Однако как показывает исследователь всякая традиция – прикровенна, т.е. несет в себе знание / ведение таинства и святости. «Таинственны святость, творчество, таинственная их связь, составляющая сокровенную суть духовно-творческой традиции русской культуры». Вся ее сущность состоит в признании синергии, т.е. «со-деятельности творящего лица, его воли с иной, свыше волей (лицом), со-творчества человеческого и божественного».³

Процесс синергии включает в себя ряд срезов и процессов. «Применительно к сознанию, пишет О.И. Генисаретский, если оно рассматривается как отличное от воли, уместнее говорить о синиконии, символическом подобии образов и прообразов человеческого и божественного сознаний. Если речь идет о сообщительности божественного и человеческого лиц, стянутости воли и сознания в единство самопроизволения / самосознания, то синергия и синикония оказываются двумя сторонами синаксии – созначности даруемых божественных благ и ценностей, которым человек привержен в своей духовной избранности и внутреннем устройении. Наконец, в духовно-творческом мире налицо еще синархия, соотношение божественной и человеческой природ (начал, статей)». Синергия, синикония, синаксия и синархия – процессы, имеющие органическую связанность и выступают как событийные состояния образующие реальность духовной практики – умного делания: «ибо ими как раз и обосновывается радикальный реализм творческого домостроительства, понимание его как свидетельского и исповеднического выговаривания неизреченного, иного – творческого и спасительного – бытия, нездешнего, изначального Слова»⁴.

Процесс синергии существенно диалогичен и связан со служением. В этом аспекте О.И. Генисаретский идет во след о. Павлу Флоренскому, утверждающему, что «аскетизм для меня есть синоним культуры» и Г.П. Федотову, убежденному, что цена произведений культуры должна восприниматься через критерий Креста. Таким образом, в духовной традиции русской / российской культуры переплетаются три духовные практики: мистико-аскетическая, духовно-творческая и мифопоэтическая, которые и создают в своем воплощении плотность социокультурной реальности, создают ее содержание, борение смыслов и ценностей. Подвижничество святых, служение поэтов, жертвенность многих тысяч интеллигентов, крестьян и рабочих создают великое полотно культуры России. О.И. Генисаретский здесь прямо ссылается на Н.А. Бердяева и Г. Маневича. Последний в своей монографии «Оправдание творчества» писал: «Вяч. Иванов твердо знал: не будь на Руси Серафима Саровского – не знала бы Россия ни Пушкина, ни Достоевского. Не знала бы Россия Оптиной пустыни – не услышала бы она и всей плеяды русских поэтических гениев

³ Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения / О.И. Генисаретский. – М.: Путь. – 2002. – С.240 - 242.

⁴ Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения / О.И. Генисаретский. – М.: Путь. – 2002. – С. 248.

второй половины XIX начала XX столетия»⁵. Иными словами, подвижничество в разных сферах и областях духовного и социального бытия / жизни создают одно интеллигентное / герменевтическое поле, причастность к которому хотя бы по одной из возможных видов духовных практик дает народу единство миропонимания, стяжает его мировоззрение, созидает общую идентичность и самоидентичность. Действительно, по слову св. Дионисия Ареопагита, все служения, суть «чин, звание и действие». Синергия служения сообщает / возвращает человеку его подлинность. «Иначе: место в духовной иерархии и культурном пространстве, *стать бытия*, а не условная функция или жест, соответствующие стати – чину сознание и воля, наличие которых устанавливается сравнением с личностными образцами служений, коих в традиции изрядное множество, и действия, по плодам которых удостоверяется правда служения и изобличаются всяческие самозванства»⁶. Способность к продолжению, к творческому развитию в условиях постсоветских реалий является условием развития не только философии, но и науки, образования, всех сфер экономической, политической и социокультурной жизни России. Двадцатилетняя дистанция, «временное отстояние» от СССР, как видим, этот вопрос не только не отменила, а, напротив, актуализировала, раскрыв новые обстоятельства бытия российского общества в советский период. В частности, С.С. Хоружий в очерках эволюции культурно-исторических форм русского сознания выявил, что в 20 – 30 гг. XX в. произошло структурное перерождение российского общества, и выстроилась тоталитарная социально-антропологическая модель, действие которой продолжается и поныне. Итак, феномен тоталитаризма характеризуется следующими чертами: 1) личностной редукцией, 2) архаизацией, 3) насильственной синергией⁷. Личностная редукция образуется путем сужения сферы общения человека, на месте размыкания человека к Богу как Внеположному Истоку, открытости человека в мифопоэтической традиции или универсалиям культуры происходит «привязывание» идентичности к воле партии, харизме вождя, советским социальным институтам. Архаизация связана со «скатыванием» в первичные, дохристианские антропологические формации, с апелляцией к утилитаризму и прагматизму⁸. И, наконец, главное - в советский период осуществился эксперимент по насильственной синергии, когда человек ставится в условия открытой системы не по собственной воле как в практике исихазма, но путем принуждения, фактически взлома его сознания и трансляции в него определенного текста/ послания, содержащего несколько «истин». «Первое – если ты не будешь думать правильно, тебя ждет мучительная смерть, пытки, расстрел, лагерь, и все подобное. Второе – думать правильно, это думать вот то-то и вот так-то. Третье – думать правильно, это думать верные вещи, это быть в истине, быть со всеми, это хорошо и замечательно, это счастье, бодрость, энергия. И четвертое снова – если ты не будешь думать правильно, тебя ждет мучительная смерть, пытки, лагерь, расстрел»⁹. Указанный message получал с помощью силы пропаганды и репрессивного аппарата уровень сверхдоходчивости, превращаясь в добровольного служителя ценностей новой прекрасной реальности.

Развал СССР, к сожалению, не означал разрушение тоталитарного антропологического типа, он скорее трансформировался в более мягкие формы, по-прежнему сковывая инициативу, препятствуя развитию институтов гражданского общества в Российской Федерации. По мнению, С.С. Хоружего, никаких новых сил в России не появилось, произошло «спланирование» из социализма в капитализм, сопровождающееся

⁵ Маневич Г. Оправдание творчества. – М.: Прометей, 1990. – С. 25.

⁶ Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения / О.И. Генисаретский. – М.: Путь. – 2002. – С. 249.

⁷ Хоружий С.С. Эволюция культурно- исторических форм русского сознания / С.С. Хоружий // Человек. RU – Новосибирск: НГУЭУ, 2011. – С.137.

⁸ См.: Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ / И.Г. Яковенко. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 114., С. 564 – 651.; Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры / И.В. Кондаков. – М.: Аспект – Пресс, 1997. – 687 с.; С. 554 – 605.

⁹ Хоружий С.С. Эволюция культурно- исторических форм русского сознания / С.С. Хоружий // Человек. RU – Новосибирск: НГУЭУ, 2011. – С.137 – 138.

частичной ротацией правящего слоя, частичной сменой политической модели, существенной сменой экономической модели и единственным полным уходом – уходом тоталитарной модели идеологического террора. Однако сломленная насильственной синергией общественное постсоветское сознание оказалось неспособным к творчеству, к активному и ответственному ответу на вызову современности, что и вело к доминированию установок безразличия, косности и потребительства, к поиску новой «сильной руки» - харизматического лидера. В итоге, к началу XXI в., в 1994 – 1999 гг. возобладал «черномырдинский» консенсус и двойственность, связанные с господством бюрократии и чиновничества, а также усиленной манипуляцией массовым сознанием со стороны политических элит. Главное, за 1991 – 2011 гг. произошла существенная деэтизация российского сознания, что и проявилось в феномене беспредела и самозванства, невменяемости интеллигенции.

Иными словами, российскому обществу для того, чтобы действительно преодолеть инерцию тоталитарной антропологической модели следует пройти большой путь по выявлению, осознанию и преобразению пережитков исторического опыта XX в¹⁰. Ясно одно, что это путь травматический (П. Штомпка), но вне него невозможен творческий и свободный ответ на вызовы современности и было бы большой ошибкой отказаться от этой масштабной работы по осмыслению советского периода отечественной истории и всемерного покаяния. Отказ от деконструкции советской тоталитарной антропологической модели, забвение исторического опыта XX в. ведет в аисторизму, к установлению идеологии гламура, глобальной идеологии потребительства. Так происходит выстраивание в российском обществе глобального тренда виртуализации, «включающего в себя действительный постчеловеческий сценарий, сценарий утраты видовой идентичности, осуществления видовой эвтаназии»¹¹.

Таким образом, по С.С. Хоружему, начало XXI в. российское общество встречает в ситуации иссякания жизненного и творческого ресурса своего культурно-цивилизационного организма. В ситуации, где доминируют, как минимум, три особенности: 1) банкротство альтернативных сил, сил несоветской природы, 2) господство косности и бюрократии, 3) отсутствие масштабных фигур, которые были бы вровень со стоящими историческими заданиями. Как видим, анализ современной политической, экономической, социокультурной и антропологической ситуации в России проведенный С.С. Хоружим прямо скажем пессимистичен, но он подтверждается исследованиями российских и зарубежных ученых, философов и богословов, применяющих иные теоретико-методологические ресурсы для объяснения насущных проблем российского бытия. Однако сам автор убежден, что по самой природе духовных процессов в вышеприведенной ситуации нет предопределенности, и «ее преодоление, возвращение Человека и истории в творческую открытость, остается заведомо возможным. Историю Человека (в отличие от постчеловека) принципиально нельзя сделать полностью закрытой. Ярким примером выхода из сходной ситуации является русский синтез начала XIX в. когда лоскутная культура XVIII в. была претворена в культуру Золотого века в России»¹². Первым шагом в сторону наращивания российским обществом своего творческого и жизненного потенциала, на наш взгляд, является реабилитация и возрождение духовных практик, повсеместное поддерживание практик личностного творения бытия, действительно широкое и масштабное конституирование мировоззрения гражданского служения и участия. Подобного рода «поворот» человека современности к самому себе, возможность увидеть себя в личностной форме выступает залогом для развития российского общества.

¹⁰ Для исторической аналогии укажем путь послевоенной Германии (ФРГ) с ее опытом по денацификации. Для России, на наш взгляд, актуален путь дебольшевизации.

¹¹ Хоружий С.С. Эволюция культурно-исторических форм русского сознания / С.С. Хоружий // Человек. RU – Новосибирск: НГУЭУ, 2011. – С.142.

¹² Хоружий С.С. Указ. соч. – С.143.